

**Асанов Эльдар**

PhD, руководитель отдела, Институт антропологии АН РУз

ул. Улугбека 81, Ташкент, Узбекистан

E-mail: [eldarassanov88@gmail.com](mailto:eldarassanov88@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5599-0393>

## **ТУРАН ЗА АМУДАРЬЕЙ: АВЕСТИЙСКИЕ TŪIRYA- И УСТОЙЧИВОСТЬ ПОЗДНЕЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В ИСТОРИОГРАФИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

### **Аннотация**

В статье рассматривается устойчивость представления о древнем Туране как о географически определенном пространстве Центральной Азии к северу от Амударьи и его связи с авестийским этнонимом tūirya-. Анализируются работы исследователей Узбекистана, Казахстана и Таджикистана конца XX – первой четверти XXI века, в которых Туран ретроспективно переносится в авестийскую эпоху и связывается с противопоставлением оседлых airya- и кочевых tūirya-. Эти интерпретации сопоставляются с данными Авесты, исследованиями по авестийской географии и историей формирования поздней иранской традиции. Показано, что Авеста не дает прямых оснований локализовать tūirya- за Амударьей или рассматривать их как исключительно кочевую и незороастрийскую группу. Географическая модель Иран–Туран складывалась постепенно и отражала переработку более раннего материала в позднеантичной и средневековой традициях. Особое внимание уделяется причинам устойчивости заамударьинской модели в современной центральноазиатской историографии. Среди них выделяются историографическая инерция, территориализация прошлого, конкуренция за историческое наследие, семантическая пластичность понятия Турана и дисциплинарный разрыв между региональной исторической литературой и специализированной иранистикой. Эта модель требует дальнейшего пересмотра.

**Ключевые слова:** Туран; tūirya-, Авеста; авестийская география; Центральная Азия; историография; историческая память; Иран; этногенез; территориализация прошлого.

**Асанов Эльдар**

PhD, бөлім басшысы, Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясының Антропология институты

Өзбекстан, Ташкент қ., Ұлықбек көшесі, 81

E-mail: [eldarassanov88@gmail.com](mailto:eldarassanov88@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5599-0393>

## **ӘМУДАРІЯНЫҢ АРҒЫ ЖАҒЫНДАҒЫ ТҰРАН: АВЕСТАЛЫҚ TŪIRYA- ЖӘНЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ТАРИХНАМАСЫНДАҒЫ КЕЙІНГІ ГЕОГРАФИЯЛЫҚ МОДЕЛЬДІҢ ТҰРАҚТЫЛЫҒЫ**

### **Аңдатпа**

Мақалада ежелгі Тұранды Әмударияның солтүстігіндегі Орталық Азияның географиялық тұрғыдан айқындалған кеңістігі ретінде қарастыратын түсініктің тұрақтылығы және оның авесталық tūirya- этнонимімен байланысы талданады. XX ғасырдың соңы мен XXI ғасырдың бірінші ширегіндегі Өзбекстан, Қазақстан және Тәжікстан зерттеушілерінің еңбектері қарастырылады. Бұл еңбектерде Тұран ұғымы авесталық дәуірге ретроспективті түрде көшіріліп, отырықшы airya- мен көшпелі tūirya- арасындағы қарама-қарсылықпен

байланыстырылған. Мұндай түсіндірулер Авеста деректерімен, авесталық географияға арналған зерттеулермен және кейінгі ирандық тарихи дәстүрдің қалыптасуымен салыстырылады. Зерттеу Авестада *tūīrya-* тобын Әмударияның арғы жағына нақты орналастыруға немесе оларды тек көшпелі әрі зороастризмнен тыс топ ретінде қарастыруға тікелей негіз жоқ екенін көрсетеді. Иран–Тұран географиялық моделі біртіндеп қалыптасып, бұрынғы материалдың кейінгі антикалық және ортағасырлық дәстүрлерде қайта өңделуінің нәтижесін көрсетеді. Сонымен қатар қазіргі Орталық Азия тарихнамасында бұл модельдің неге сақталып қалғанына ерекше назар аударылады. Оның негізгі себептері ретінде тарихнамалық инерция, өткенді территорияландыру, тарихи мұра үшін бәсеке, Тұран ұғымының семантикалық икемділігі және аймақтық тарихнама мен маманданған ирантану арасындағы пәндік алшақтық көрсетіледі. Бұл модельді әрі қарай қайта қарастыру қажет.

**Түйін сөздер:** Тұран; *tūīrya-*, Авеста; авесталық география; Орталық Азия; тарихнама; тарихи жады; Иран; этногенез; өткенді территорияландыру.

**Asanov Eldar**

PhD, Head of Department, Institute of Anthropology, Academy of Sciences of the Republic of  
Uzbekistan

81 Ulugbek Street, Tashkent, Uzbekistan

E-mail: [eldarassanov88@gmail.com](mailto:eldarassanov88@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5599-0393>

## **TURAN BEYOND THE AMU DARYA: AVESTAN *TŪIRYA-* AND THE PERSISTENCE OF A LATER GEOGRAPHICAL MODEL IN CENTRAL ASIAN HISTORIOGRAPHY**

### **Abstract**

This article examines the persistence of the idea of ancient Turan as a geographically defined space in Central Asia north of the Amu Darya and its association with the Avestan ethnonym *tūīrya-*. It analyzes works by scholars from Uzbekistan, Kazakhstan, and Tajikistan from the late twentieth to the first quarter of the twenty-first century, in which Turan is retrospectively projected back into the Avestan period and linked to an opposition between sedentary *airya-* and nomadic *tūīrya-*. These interpretations are compared with the evidence of the Avesta, scholarship on Avestan geography, and studies of the formation of later Iranian historical tradition. The article argues that the Avesta provides no direct basis for locating *tūīrya-* beyond the Amu Darya or for defining them as an exclusively nomadic and non-Zoroastrian group. The geographical model of Iran and Turan developed gradually and reflects the reworking of earlier material in Late Antique and medieval traditions. Particular attention is paid to the reasons for the persistence of the trans-Amu model in modern Central Asian historiography. These include historiographical inertia, the territorialization of the past, competition over historical heritage, the semantic flexibility of the concept of Turan, and the disciplinary gap between regional historical scholarship and specialized Iranian studies. This model requires further reconsideration.

**Keywords:** Turan; *tūīrya-*, Avesta; Avestan geography; Central Asia; historiography; historical memory; Iran; ethnogenesis; territorialization of the past.

**Asanov Eldar**

Doktora (PhD), Bölüm Başkanı, Özbekistan Cumhuriyeti Bilimler Akademisi Antropoloji Enstitüsü  
Uluğbek Caddesi 81, Taşkent, Özbekistan

E-posta: [eldarassanov88@gmail.com](mailto:eldarassanov88@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5599-0393>

## **AMU DERYA'NIN ÖTESİNDE TURAN: AVESTACA TŪIRYA- VE ORTA ASYA TARİHYAZIMINDA GEÇ DÖNEM COĞRAFI MODELİNİN SÜREKLİLİĞİ**

### **Özet**

Bu makalede, antik Turan'ın Amu Derya'nın kuzeyinde yer alan coğrafi olarak belirlenmiş bir Orta Asya alanı olduğu yönündeki tasavvurun sürekliliği ve bu tasavvurun Avesta'daki tūirya-etnonimiyle ilişkisi ele alınmaktadır. XX. yüzyılın sonlarından XXI. yüzyılın ilk çeyreğine kadar Özbekistan, Kazakistan ve Tacikistanlı araştırmacıların çalışmalarında Turan'ın Avesta dönemine geriye dönük biçimde taşındığı ve yerleşik airya- ile göçebe tūirya- karşıtlığıyla ilişkilendirildiği örnekler incelenmektedir. Bu yorumlar Avesta verileri, Avesta coğrafyası üzerine araştırmalar ve geç dönem İran tarihî geleneğinin oluşumuna ilişkin çalışmalarla karşılaştırılmaktadır. Makalede, Avesta'nın tūirya- grubunu Amu Derya'nın ötesine kesin biçimde yerleştirmek veya onları yalnızca göçebe ve Zerdüşti olmayan bir topluluk olarak tanımlamak için doğrudan bir temel sunmadığı gösterilmektedir. İran-Turan coğrafi modeli aşamalı olarak oluşmuş ve daha eski malzemenin Geç Antik Çağ ve Orta Çağ geleneklerinde yeniden işlenmesini yansıtmıştır. Ayrıca modern Orta Asya tarihyazımında bu modelin kalıcılığının nedenleri üzerinde durulmaktadır. Bunlar arasında tarihyazımsal atalet, geçmişin mekânsallaştırılması, tarihî miras üzerindeki rekabet, Turan kavramının anlamsal esnekliği ve bölgesel tarihçilik ile uzmanlaşmış İran araştırmaları arasındaki disiplinler kopukluk yer almaktadır. Bu modelin yeniden değerlendirilmesi gerekmektedir.

**Anahtar kelimeler:** Turan; tūirya-, Avesta; Avesta coğrafyası; Orta Asya; tarihyazımı; tarihsel hafıza; İran; etnogenez; geçmişin mekânsallaştırılması.

### **Введение**

Туран занимает особое место в историческом и культурном дискурсе Центральной Азии. В современной научной литературе региона этим названием обозначаются различные пространства – от земель к северу от Амударьи до Центральной Азии в целом, а происхождение понятия нередко связывается непосредственно с авестийским этнонимом tūirya-. В ряде исследований авестийские tūirya- интерпретируются как население древнего Турана, локализованного в Центральной Азии, причем отношения между ними и airya- рассматриваются через более позднюю оппозицию оседлого Ирана и кочевого Турана. В статье рассмотрено воспроизведение подобной схемы в узбекской, казахстанской и таджикской историографии.

Между тем специализированные исследования Авесты и иранской традиционной истории показывают более сложную картину. Авестийские tūirya- выступают как одна из нескольких названных групп и не связываются непосредственно с географически очерченной страной Туран. Поздняя модель Ирана и Турана формировалась постепенно, в ходе переработки более раннего мифологического материала и его соотнесения с политической географией поздней античности и раннего средневековья. Поэтому прямой перенос географии поздней иранской эпической традиции на авестийскую эпоху требует отдельного источниковедческого обоснования.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проследить устойчивость этой ретроспективной модели в современной центральноазиатской историографии и определить причины ее сохранения. Для этого рассматриваются три взаимосвязанных вопроса: какие элементы представления о древнем Туране воспроизводятся в региональной научной литературе; насколько они соответствуют авестийскому материалу и выводам иранистики и авестологии; какие историографические и культурные факторы способствуют устойчивости данной модели.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что сохранение представления об авестийском Туране как о географически определенном пространстве Центральной Азии объясняется не только историографической инерцией. Существенную роль играет и укорененность Турана в современных моделях исторического наследия, где он выступает

одновременно как объект этнокультурной атрибуции и как символическое обозначение древнего прошлого региона.

### **Материалы и методы исследования**

Материал исследования составляют научные и учебные работы исследователей Узбекистана, Казахстана и Таджикистана конца XX – первой четверти XXI века, в которых рассматриваются происхождение, география и этническая принадлежность Турана и туранцев. Для сопоставления привлекаются авестийские данные, исследования по авестийской географии, истории зороастризма и формированию иранской эпической традиции, а также работы, посвященные современной исторической памяти и национальным нарративам Центральной Азии.

Основным методом является сравнительно-историографический анализ, позволяющий выявить устойчивые элементы различных интерпретаций Турана и сопоставить их между собой. Источниковедческий анализ используется для разграничения авестийского материала и более поздних иранских традиций. При рассмотрении современных интерпретаций дополнительно учитывается их связь с более широкими дискурсами исторического наследия и территориализации прошлого. Задача исследования состоит в выяснении того, каким образом поздняя географическая модель Турана воспроизводится в современной историографии и какие факторы способствуют ее устойчивости.

### **Анализ и результаты**

#### **1. Туран в центральноазиатской историографии**

Туран является достаточно популярным пространственным обозначением в центральноазиатской историографии, которое используется в широком круге исследований, посвященных как древней, так и средневековой истории региона. Если использование этого названия в исследованиях по средневековью можно объяснить традиционностью самого топонима в средневековых источниках, то отдельным, требующим рассмотрения феноменом является ретроспективное расширение средневековой географии Турана применительно к древней истории Центральной Азии. Иными словами, современное обозначение региона или его частей Тураном в историко-культурном смысле опирается главным образом на средневековую традицию, в которой уже была закреплена позднесасанидская модель, тогда как эта модель иногда применяется и к авестийскому времени, хотя локализация Турана для этого периода является предметом споров [1–4].

Идеальная формула данного исторического нарратива выглядит следующим образом: в авестийскую эпоху существовали две противопоставленные группы – оседлые зороастрийские иранцы к югу от Амударьи и кочевые иранские племена к северу, преимущественно сохранявшие незороастрийские культы; первые соответствовали *aiṛya-*, вторые – *tūiṛya-*, то есть будущим «туранцам» [5–8].

Разные исследования по-разному интерпретируют данную формулу, сохраняя ее основной каркас. Можно выделить шесть устойчивых элементов этого нарратива.

1. Превращение этнонима в страну. В Авесте есть *tūiṛya-* как название этнической или племенной группы, но в региональной литературе это нередко пересказывается уже как существование «Турана» в авестийскую эпоху. Например, Ш. Камолиддин объявляет Туран «древнейшим из всех названий среднеазиатского региона», выводит его из этнонима «тур», а авестийские туры превращаются в крупное военно-политическое объединение начала I тыс. до н.э. [9, с. 9].

2. Территориализация Турана в Центральной Азии. Хотя разные исследователи определяют границы Турана по-разному, его исходное расположение в регионе зачастую принимается как данность. Иными словами, конкретные границы меняются, но региональная принадлежность сохраняется [9–13].

3. Хозяйственная бинаризация. Арии фигурируют как оседлые земледельцы, а туры или туранцы – как степные кочевники-скотоводы. Эта модель вошла даже в подготовленную под эгидой ЮНЕСКО сводную историю Центральной Азии, где А. Абетеков и Х. Юсупов

рассматривают tura как обозначение центральноазиатских кочевых племен и противопоставляют их оседлым иранцам [7, pp. 24–25].

4. Этническая идентификация туров. Здесь региональная историография расходится на противоположные направления, сохраняя при этом сходную пространственную конструкцию.

В таджикской историографии распространена интерпретация, согласно которой tūrga- связываются с древнеиранским или восточноиранским населением Центральной Азии, тогда как их отождествление с тюрками рассматривается как позднее. Эта линия представлена, в частности, в работах Ю. Якубова и получила продолжение в более поздней литературе [8; 11; 12; 14]. В некоторых работах эта этническая интерпретация дополняется религиозным противопоставлением: aīrga- соотносятся с зороастрийской традицией, тогда как tūrga- оказываются за ее пределами [5–8].

Хотя значительная часть узбекских и казахстанских исследователей также сохраняет иранскую атрибуцию древнейшего населения Турана, встречаются и интерпретации, связывающие туров непосредственно или генеалогически с тюрками. Так, Б. Ахмедов называл авестийских туров тюрками и относил историю тюркоязычных народов Центральной Азии ко II тыс. до н.э. [15; 16, с. 97]. Еще дальше идет А. Аскарлов, который в работе середины 2000-х гг. считал древних ариев тюркоязычными и связывал их с населением евразийских степей [17, с. 81–91]. Иную версию предложил Ш. Камолиддин, допуская существование в Центральной Азии древнего прототюркского субстрата еще до переселения индоарийских племен [9, с. 5–6]. Сходная интерпретация попала даже в казахстанский вузовский учебник, где упоминание туров в Авесте трактуется как раннее свидетельство о тюрках, а Тур и Туран непосредственно включаются в древнюю историю тюркского мира [18, с. 112].

Таким образом, этнические выводы могут быть противоположными, тогда как пространственно-хронологическая схема во многом остается общей.

5. Телескопирование источников разных эпох. Авеста, пехлевийская литература и «Шахнаме» читаются как последовательные свидетельства об одной и той же исторической географии. Так, Н. Ходжаева пишет о длительной борьбе ариев и восточноиранских кочевых туров в Центральной Азии на рубеже II–I тыс. до н.э., а затем привлекает позднейшую эпическую традицию при реконструкции границы между Ираном и Тураном, отождествляя Вахви-Даити с Джейхуном и Амударьей [8, с. 61–69].

6. Превращение Турана из реконструкции в категорию описания древней Центральной Азии. На данном этапе Туран становится самоочевидным названием региона и появляются обобщающие формулы: «древний Туран», «народы Турана» и т.д. Например, А. Отаходжаев предложил переобозначить древнеиранские и среднеиранские языки региона как «древние и раннесредневековые туранские языки», исходя из их формирования на территории Турана [19, с. 3–12]. Интересно, что сходная тенденция независимо представлена в работах российского ономаста А. Шапошникова, последовательно использовавшего определение «туранские» применительно к восточноиранским языкам [20; 21]. Подобная натурализация понятия сохраняется и в новейших публикациях, где «древний Туран» и «народы Турана» используются как исходные категории при рассмотрении формирования зороастризма [22, в. 4–6].

Следует отметить, что подобная модель имеет не только постсоветское региональное происхождение, но и более широкие историографические предпосылки. Одним из характерных примеров является монография Б.И. Вайнберг «Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э.», где Туран используется как обозначение северной части Средней Азии, прежде всего Туранской низменности, при рассмотрении древней этногеографии региона [10].

## **2. Авестийские tūrga- и формирование поздней географии Турана**

Любопытно, что в самом первоисточнике для многочисленных интерпретаций о турах – Авесте – сведения крайне фрагментарны и расплывчаты, а различные реконструкции авестийского мира не подтверждают многие положения, закрепившиеся в центральноазиатской историографии. На это обращали внимание уже классические исследования по авестологии. Так, М. Бойс характеризовала древнеавестийское общество как преимущественно пасторальное: скот, стада и продукты скотоводства занимают в нем центральное место. Поэтому древнейший социальный мир Авесты нельзя безоговорочно описывать как оседлую земледельческую цивилизацию, защищающуюся от степных кочевников [23; 24].

Другие важные отличия авестологических реконструкций от устойчивого нарратива центральноазиатской историографии сводятся к следующим.

1. Авестийские *tūrya-* – прежде всего название этнической или племенной группы, а не описанная страна Туран. Если более поздняя иранская традиция, восходящая к позднесасанидской эпохе, рисует генеалогию из трех сыновей Фаридуна – Салма, Тура и Ираджа, то в «Фарвардин-яште» представлен ряд из пяти народов: *airyā-*, *tūrya-*, *sairima-*, *sāini-* и *dāhi* [25, pp. 227–228; 26, pp. 200–202]. Вместе с тем трехчастная модель имеет досредневековые корни: в утраченном «Чихрдад-наске», содержание которого известно по «Денкарду», уже рассказывалось о разделе мира Феридуном между Салмом, Туром и Иражем, а также об их последующих генеалогиях. Однако сохранившиеся данные не позволяют автоматически переносить все детали поздней эпической модели на более ранний авестийский материал [26, pp. 200–202; 27, pp. 560–561].

2. В Авесте не существует строгой оппозиции «арии-зороастрийцы – туры-незороастрийцы». В «Фарвардин-яште» не только упомянуты пять народов, но и почитаются фраваша ашаванов – праведных мужчин и женщин – из среды этих групп. Более того, в «Ясне» 46.12 положительно упоминается Фрияна, названный *tūra-* – древнеавестийской формой, обычно сопоставляемой с младоавестийским *tūrya-*, то есть представитель туров. Г. Ньоли рассматривал этот пассаж как свидетельство того, что ранняя зороастрийская проповедь не была ограничена только *airyā-* [25, pp. 227–228].

Исследователи полагают, что изначально зороастрийская проповедь могла быть адресована нескольким народам авестийского круга [25, pp. 227–229]. В дальнейшем между ними возникали конфликты, а поздняя зороастрийская традиция стала концентрироваться главным образом вокруг *airyā-*, тогда как отдельные группы превращались в их антагонистов [25, pp. 228–229].

3. Авеста не дает однозначных сведений о языковой принадлежности названных народов. Г. Ньоли отдельно отмечает, что невозможно утверждать, будто все они обязательно были ираноязычными [25, pp. 227–228]. Речь идет о группах, участвовавших в ранней зороастрийской традиции, но их этнолингвистическая принадлежность остается неясной [25, pp. 227–228].

4. Авестийская география не дает достаточных оснований помещать *tūrya-* за Амударьей. Г. Ньоли относил географический горизонт Авесты преимущественно к восточной части Иранского нагорья и индо-иранскому пограничью. Его реконструкция охватывает пространство от Маргианы, Арии и Дрангианы на западе до индо-иранской границы на востоке; Согдиана и, возможно, Хорезм оказываются на северной периферии, а Систан и другие юго-восточные области занимают значительное место в авестийской географии [28; 29, pp. 44–47]. Ф. Грене, предлагая иную реконструкцию, смещал центр географического мира «Видевдата» в сторону Афганистана и его горных областей [30, pp. 29–51]. Иными словами, даже различающиеся между собой реконструкции не дают прямого текстуального основания для фиксированной локализации *tūrya-* севернее Амударьи.

5. Поздняя иранская традиция существенно переработала более ранний авестийский материал, соотнося его с политической и исторической памятью последующих эпох. Э. Яршатер описывает иранскую традиционную историю как корпус мифов, легенд и

исторических воспоминаний, который постепенно приобрел «общенациональный» характер и к концу сасанидского периода был систематизирован в письменной традиции, в том числе в «Хвадай-намаге» [4, pp. 299–300]. Он также отмечает, что легенды об Афрасиабе вобрали воспоминания о повторяющихся вторжениях с востока и северо-востока – саках, юэчжах, кушанах, хуннах, эфталитах, кидаритах и тюрках. Продолжавшиеся в сасанидскую эпоху столкновения с восточными и северо-восточными противниками усилили негативную память о вторжениях из Центральной Азии и способствовали дальнейшему насыщению образов Афрасиаба и Турана чертами исторических степных врагов Ирана [3, pp. 574–575]. Т. Дарьяи показывает, что сасанидская историография не была нейтральным архивом древности: более ранний материал организовывался и переосмыслился в соответствии с политической и религиозной памятью Сасанидского Ирана [31, pp. 129–141].

В поздней иранской традиции эта переработанная география получает и более четкую пограничную линию: в предании об Араше Лучнике граница между Ираном и Тураном проводится в районе Балха и Амударьи [3, pp. 571–572]. При этом в сохранившемся авестийском корпусе Амударья нигде не названа границей между *aiṛya-* и *tīṛya-* [29, pp. 44–47].

Таким образом, в авестийском мире мы видим несколько групп, представители которых включены в раннюю зороастрийскую традицию. При этом в древнем слое не просматриваются ни четкое религиозное противопоставление, ни готовая дихотомия между оседлыми *aiṛya-* и кочевыми *tīṛya-*. Авестийские арии сами в значительной степени принадлежат пасторальному миру, где важнейшими материальными и символическими ресурсами являются стада и пастбища [23; 24, pp. 62–63].

Немаловажным обстоятельством является и хронология формирования классического степного конного номадизма. Его археологически различимые формы складываются в степях Евразии постепенно, особенно в конце II – начале I тыс. до н.э., тогда как скифо-сакский комплекс приобретает характерные черты позднее. Поэтому прямое отождествление мира ранней Авесты с уже сложившейся моделью скифско-сакского конного номадизма требует осторожности [32, pp. 139; 33, pp. 15733–15734]. Кроме того, этот период относится к ранним этапам дифференциации иранского языкового массива, а не к эпохе уже четко оформившихся исторических иранских языков [32, pp. 297–300].

Позднее в авестийской мифо-эпической традиции действительно появляются конфликты между *aiṛya-* и другими группами, однако их противниками выступают не только *tīṛya-*. Так, Арджасп, один из главных противников Виштаспы, называется в Авесте представителем *hуаона-* и характеризуется как противник новой религии; лишь позднейшая традиция превращает его в царя Турана [34, p. 412; 35, p. 172]. Этот пример особенно наглядно показывает, как более сложная система авестийских противников позднее включалась в бинарную схему Иран–Туран.

Любопытный штрих к истории формирования географии Турана дает раннесасанидский материал. В надписи Шапура I Нарсе носит титул «царь Индостана, Сакастана и Турана до берега моря» [36; 37, p. 69]. Раннесасанидский *Tugrān/Tūrān* надежно локализуется в юго-восточной части империи, на территории современного Белуджистана, в районе Саравана–Калата и Хузدارа, между Сакастаном, Макраном и Индией [2; 38; 39, pp. 615–616]. Средневековый *Tūrān* также сохраняется как устойчивое название этой области.

Показательно, что Ф. Текер и М.Б. Ашан один из разделов своей статьи озаглавили «Вражда, перенесенная с юго-востока на северо-восток». Авторы указывают на раннесасанидский Туран в юго-восточной области, связанной с Сакастаном и современным Белуджистаном, а затем относят расширение термина на северо-восточные степные народы примерно к V веку [40, s. 322]. При этом сами авторы одновременно воспроизводят традиционную дихотомию «оседлый Иран – кочевой Туран» и приводят привычную локализацию туров в пространстве нынешних Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Афганистана. Это показывает, насколько разные

хронологические модели способны сосуществовать внутри одного исследования [40, s. 317, 321].

Конечно, раннесасанидский и средневековый Туран Белуджистана также нельзя без дополнительных доказательств отождествлять с авестийскими *tūrua*-. Но следует отметить два момента: во-первых, юго-восточный Туран надежно засвидетельствован уже в раннесасанидскую эпоху, то есть ранее устойчивой фиксации заамударьинской географии Турана в поздней эпической традиции [2; 36, I, § 34; 39, pp. 615–616]; во-вторых, в Ведах фигурирует народ под названием *turvaśa*-, который в ранней литературе сопоставлялся с Тураном [41, p. 79]. Хотя такая связь остается гипотетической, она допускает возможность того, что центральноазиатские и индийские арии могли соприкасаться с родственными или одноименными группами; в таком случае предполагаемая зона контакта едва ли должна автоматически помещаться в северные центральноазиатские степи.

### **3. Причины устойчивости модели**

Из разбора выше становится понятным, что устойчивый нарратив центральноазиатской историографии, помещающий Туран за Амударьей, трудно даже назвать «классическим», поскольку исследователи Авесты довольно рано отметили явные несходства средневековой модели Турана с авестийским миром. Это затрудняет объяснение ситуации простым «отставанием» региональной историографии, поскольку уже знакомство с классической авестологией ставит под сомнение многие элементы идеальной модели заамударьинского Турана. Поэтому следует предполагать наличие нескольких механизмов, способствующих устойчивому сохранению данной модели в региональной историографии. Мы предлагаем следующие объяснительные интерпретации.

1. Историографическая инерция. Локализация Турана в Центральной Азии может сохраняться не потому, что исследователи сознательно отвергают классическую авестологию, а потому, что они работают внутри давно сложившейся архитектуры исторического рассказа.

М. Лярюэль показывает, что постсоветская узбекская историография не возникла заново после 1991 года: сохранились институциональные школы, понятия, персональные линии преемственности и особенно советская модель этногенеза, ориентированная на доказательство древности народа и его длительной связи с определенной территорией. Советская национально-территориальная система стимулировала историков доказывать древнюю связь между современным пространством и соответствующим народом; постсоветский период эту тенденцию скорее усилил, чем отменил [42, pp. 169–188; 43, pp. 102–103, 106–107]. Отсюда важный нюанс: центральноазиатская модель Турана может быть постсоветской по современному содержанию, но советской по своей эпистемологической конструкции.

2. Территориализация прошлого. Та же М. Лярюэль отмечает стремление национальной историографии закрепить древнее население за современной территорией. В случае Узбекистана она говорит о стремлении установить максимально древнюю связь народа с его современным пространством и о важности автохтонности [43, p. 104]. Ю.Э. Гюрбюз независимо описывает для постсоветского Узбекистана территориальный принцип национального исторического повествования, сохраняющий заметную преемственность с советской традицией [44]. По-нашему, в рамках данной объяснительной модели Туран превращается в удобную историческую категорию, потому что превращает сложный и плохо локализуемый авестийский этноним в пространственный контейнер.

Собственно, это подтверждается тем, что Туран становится не только популярным публицистическим ярлыком, но и актуальным региональным символом: сегодня он используется и как практически синонимичное название Центральной Азии и Туркестана, и как название исторического пространства тюркских народов, и как более широкий региональный символ. Так, пресс-релиз совместного собрания Института истории Академии наук Узбекистана и Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова в ноябре 2025 года

начинался с формулы «Markaziy Osiyo – Turon, Turkiston» («Центральная Азия – Туран, Туркестан»), а директор узбекского института Азамат Зиё отдельно говорил о значении исследований истории Турана [45]. Это показывает актуальное институциональное употребление понятия.

3. Конкуренция за наследие. Часть узбекских и казахстанских авторов связывает Туран с тюркским историческим наследием; с другой стороны, часть таджикских и иранских интеллектуалов настаивает, что древние туранцы были ираноязычными и что позднейшее отождествление их с тюрками является ошибочным [11; 14; 18, с. 112].

В результате Туран становится объектом культурной апроприации и борьбы за исторический капитал. Это вписывается в более широкое противостояние конкурирующих узбекских и таджикских исторических нарративов, рассмотренное, например, С. Хораком [46, pp. 65–77]. Такая конкуренция иногда выходит за рамки исторической науки и приобретает другие формы, например в сфере культурного наследия: объекты и практики, исторически трудно делимые между таджикским и узбекским культурными пространствами, оказываются включены в национальные режимы наследия [47, pp. 115–133]. Для Таджикистана подобная логика хорошо документирована и в дискуссиях вокруг арийского наследия, где исследователи прослеживают длительную преемственность национально-исторических нарративов от позднеимперского и советского времени к постсоветской эпохе [48–50].

Но из этого можно сделать более тонкий вывод: национальная конкуренция вместо того, чтобы разрушать устоявшуюся модель, на деле закрепляет ее. Несмотря на разногласия относительно языковой и этнической принадлежности туранцев, оба конкурирующих нарратива помещают древний Туран в Центральную Азию. Более фундаментальный вопрос – был ли вообще авестийский Туран географически локализован здесь – при этом зачастую остается факультативным.

4. Именно поэтому Туран не только разъединяет, но и объединяет. Туран используется не только для разделения наследия, но и с противоположной целью – как символ общего центральноазиатского пространства. Понятие активно используется в объединительном контексте, в рассуждениях о региональной общности и сотрудничестве. Конечно, авторы, использующие Туран в подобном объединительном ключе, как правило, избегают дискуссий об этнической и языковой принадлежности, рассматривая Туран как общее наследие всех народов региона. По нашим наблюдениям, часть авторов предлагает Туран потому, что считает его более инклюзивным, чем Туркестан, поскольку он способен символически включать и тюркоязычные народы, и таджиков.

У. Азизов анализирует центральноазиатский регионализм как производство общего пространства посредством историко-культурных представлений и символов. В разбираемом им официальном дискурсе постсоветской интеграции фигурирует представление о «сестринских народах древнего Турана», а историко-культурная общность региона связывается с идеей Турана и туркестанизма [51, pp. 126–129]. Тем самым понятие Турана выходит за пределы исторического и филологического дискурса и начинает функционировать также в политологическом анализе региональной идентичности и интеграции.

Поэтому современная актуализация Турана имеет два противоположных вектора: присвоить древний Туран конкретной этнонациональной традиции и одновременно превратить его в общую историческую метафору региона.

5. Туран удобен также благодаря своей семантической пластичности. Понимание Турана меняется не только сейчас, в рамках политических, регионалистских или националистических нарративов; его пространственное и символическое содержание неоднократно менялось уже в древности и Средневековье. Поэтому авестийская, позднеантичная и средневековая традиции могут предложить современным авторам несколько моделей, в силу чего Туран чрезвычайно легко меняет масштаб и содержание. Он

может означать земли за Амударьей; Центральную Азию; тюркский мир; общий регион тюркских и нетюркских народов; древнее восточноиранское пространство, причем каждая интерпретация в той или иной степени опирается на материал определенной исторической эпохи, не являясь исключительно продуктом современного исторического мифотворчества.

Это делает понятие политически и культурно удобным: разные группы могут вкладывать в него разные значения, не отказываясь от самого символа. И.Н. Григориadis и А. Опчин-Кыдал на материале Али-бека Гусейнзаде и Мехмета Зии Гекальпа показывают, что уже в раннем тюркском национализме границы воображаемого Турана понимались по-разному, тогда как сам Туран становился важным символическим средством конструирования политического и этнического сообщества [52, pp. 489–491]. С. Левент показывает другую историческую трансформацию туранизма и использование воображаемой Центральной Азии в различных паназиатских проектах первой половины XX века [53]. Иными словами, неоднозначность Турана поддерживает его жизнеспособность.

6. Наконец, не следует исключать и обычный дисциплинарный разрыв. В историографии Казахстана, Узбекистана и Таджикистана к Турану обращаются археологи, историки древности и средневековья, тогда как тонкости авестийской географии и этнолингвистической атрибуции разрабатывались преимущественно иранистами и авестийскими филологами. Поэтому специализированные выводы, разобранные выше, существуют внутри сравнительно узкой иранистической библиографической среды, тогда как региональные исторические школы зачастую имеют иной канон цитирования – советскую археологическую и историческую литературу, национальные академические издания, переводы Авесты и т.д.

Кроме того, исследователи отмечают слабую интеграцию местного академического сообщества в международные интеллектуальные сети, а также зависимость многих исследований от старой русскоязычной литературы [43, pp. 102, 108].

Таким образом, устойчивость нарратива о Туране за Амударьей объясняется целым комплексом причин, в том числе тем, что эта модель оказывается совместимой сразу с несколькими национальными, региональными и интеграционными нарративами, которые при всех различиях взаимно поддерживают и воспроизводят ее.

### **Заключение**

Проведенный анализ показывает, что представление о древнем Туране как о географически определенной области Центральной Азии к северу от Амударьи является устойчивой историографической моделью, но не прямым выводом из авестийского материала. В Авесте *tūra-* выступают прежде всего как название этнической или племенной группы; сохранившийся корпус не дает оснований уверенно помещать их за Амударьей, противопоставлять как кочевников оседлым *aiura-* или рассматривать всех туров как незороастрийскую группу.

Географически оформленный Туран складывается в результате более поздней переработки авестийского материала. Иранская традиция постепенно сводила более сложную систему авестийских народов и противников к бинарной модели Иран–Туран, насыщая ее памятью о конфликтах с восточными и северо-восточными народами. При этом раннесасанидский Туран надежно засвидетельствован далеко к юго-востоку, в Белуджистане, что дополнительно предостерегает от автоматического перенесения поздней заамударьинской географии в авестийскую эпоху.

Устойчивость этой модели в современной центральноазиатской историографии объясняется не одной причиной. В ней сочетаются историографическая инерция, территориализация прошлого, конкуренция за историческое наследие, семантическая пластичность самого понятия Турана и дисциплинарный разрыв между региональной историографией и специализированной иранистикой. Особенно показательно, что противоположные этнические интерпретации способны сохранять одну и ту же пространственную предпосылку: спор идет о том, кем были туранцы, тогда как вопрос о том,

существовал ли в авестийскую эпоху географически очерченный центральноазиатский Туран, зачастую остается за рамками дискуссии.

Поэтому различение авестийских *tūrya*-, раннесасанидского *Tūrān* и средневекового эпического Турана является необходимым условием дальнейшего обсуждения истории этого понятия.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Bosworth C.E. Central Asia iv. In the Islamic Period up to the Mongols // *Encyclopaedia Iranica*. 1990. Vol. V, Fasc. 2. P. 169–172.
2. Bosworth C.E. *Tūrān* // *Encyclopaedia Iranica*. 2011; updated 2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/turan> (accessed: 21.09.2026).
3. Yarshater E. *Afrāsīāb* // *Encyclopaedia Iranica*. 1984. Vol. I, Fasc. 6. P. 570–576.
4. Yarshater E. Iran iii. Traditional History // *Encyclopaedia Iranica*. 2004. Vol. XIII, Fasc. 3. P. 299–307.
5. Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 444 с.
6. Абаев В.И. Скифский быт и реформа Зороастра // *Archiv Orientalní*. 1956. Vol. XXIV. P. 23–56.
7. Abetekov A., Yusupov N. Ancient Iranian Nomads in Western Central Asia // *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. II: The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B.C. to A.D. 250 / ed. J. Harmatta. Paris: UNESCO Publishing, 1994. P. 24–34.
8. Ходжаева Н.Дж. К вопросу о границе между Ираном и Тураном // *Historical Geography of Central Asia: Time, Space and Memory: International Conference Proceedings Book*. Almaty, 3 June 2025. Almaty, 2025. С. 61–69.
9. Камолиддин Ш.С. Древнетюркская топонимия Средней Азии / отв. ред. М. Исхоков. Ташкент: Шарк, 2006. 192 с.
10. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности: VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М.: Восточная литература РАН, 1999. 359 с.
11. Якубов Ю. Туран и туранцы // *Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия: Востоковедение, история, филология*. 1993. № 3. С. 28–41.
12. Мўминчонов Ҳ. Тўрон — гахвораи тамаддуни ориёӣ. Душанбе: Ватанпарвар, 2004. 297 с.
13. Кумеков Б.Е. Туркестан во времени и пространстве: Туркестан VI–XVII веков по мусульманским письменным памятникам // *Mangi El*. 2014. № 4. С. 24–28.
14. Мухаммад Абдурахмон. Туран — это не Туркестан: основные гипотезы и теории (опыт историко-политического анализа) // *Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук*. 2025. № 1. С. 159–163.
15. Ахмедов Б.А. Значение письменных источников в изучении этнической истории народов Средней Азии и Казахстана // *Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана*. Вып. 2. М., 1990. С. 63–73.
16. Муродов С.М. Вклад академика Юсуфшо Якубова в изучение древней истории таджикского народа: дис. ... канд. ист. наук. Душанбе: Таджикский национальный университет, 2023. 187 с.
17. Аскаров А.А. Арийская проблема: новые подходы и взгляды // *История Узбекистана в археологических и письменных источниках* / под ред. А.А. Анарбаева. Ташкент: Фан, 2005. С. 81–91.
18. Артыкбаев Ж.О. История Казахстана: учебник. Алматы: Қазақ университеті, 2006. 312 с.
19. Отахўжаев А. Турон халқларининг қадимги тиллари хусусида мулоҳазалар // *ЎЗА илм-фан бўлими электрон журналі*. 2024. № 6 (56). С. 3–12.
20. Шапошников А.К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова. 1. Сурожская земля // *Вопросы ономастики*. 2005. № 2. С. 111–125.

21. Шапошников А.К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // *Этимология*. 2003–2005 / отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М.: Наука, 2007. С. 255–322.
22. Abdullaev B. Zardushtiylikning shakllanishida Turon xalqlarining tarixiy roli // *O‘zMU Xabarları / ACTA NUUZ*. 2024. Vol. 1, No. 1.10. P. 4–6. DOI: 10.69617/nuuz.v1i1.10.4430.
23. Boyce M. *A History of Zoroastrianism*. Vol. I: The Early Period. Leiden: Brill, 1975. 357 p.
24. Boyce M. *Avestan People* // *Encyclopaedia Iranica*. 1987. Vol. III, Fasc. 1. P. 62–66.
25. Gnoli G. Conversion i. Of Iranians to the Zoroastrian Faith // *Encyclopaedia Iranica*. 1993. Vol. VI, Fasc. 3. P. 227–229.
26. Shahbazi A.Sh. Iraj // *Encyclopaedia Iranica*. 2004. Vol. XIII, Fasc. 2. P. 200–202.
27. MacKenzie D.N. Cihrdād Nask // *Encyclopaedia Iranica*. 1991. Vol. V, Fasc. 5. P. 560–561.
28. Gnoli G. *Zoroaster’s Time and Homeland: A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems*. Naples: Istituto Universitario Orientale, 1980. 279 p.
29. Gnoli G. *Avestan Geography* // *Encyclopaedia Iranica*. 1987. Vol. III, Fasc. 1. P. 44–47.
30. Grenet F. An Archaeologist’s Approach to Avestan Geography // *Birth of the Persian Empire* / eds. V.S. Curtis, S. Stewart. The Idea of Iran. Vol. 1. London–New York: I.B. Tauris, 2005. P. 29–51.
31. Daryaei T. National History or Keyanid History? The Nature of Sasanid Zoroastrian Historiography // *Iranian Studies*. 1995. Vol. 28, Nos. 3–4. P. 129–141. DOI: 10.1080/00210869508701832.
32. Kuz’miina E.E. *The Origin of the Indo-Iranians* / ed. J.P. Mallory. Leiden–Boston: Brill, 2007. 762 p.
33. Wagner M., Wu X., Tarasov P., Aisha A., Bronk Ramsey C., Schultz M., Schmidt-Schultz T., Gresky J. Radiocarbon-dated Archaeological Record of Early First Millennium B.C. Mounted Pastoralists in the Kunlun Mountains, China // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2011. Vol. 108, No. 38. P. 15733–15738. DOI: 10.1073/pnas.1105273108.
34. Tafāzẓolī A. Arjāsp // *Encyclopaedia Iranica*. 1986. Vol. II, Fasc. 4. P. 412.
35. Shahbazi A.Sh. Goštāsp // *Encyclopaedia Iranica*. 2002. Vol. XI, Fasc. 2. P. 171–176.
36. Huyse P. *Die dreisprachige Inschrift Šābuhrs I. an der Ka’ba-i Zardušt (ŠKZ)*. 2 vols. *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. Part III, Vol. I, Texts I. London: School of Oriental and African Studies, 1999.
37. Cereti C.G. Narseh, Armenia, and the Paikuli Inscription // *Electrum*. 2021. Vol. 28. P. 69–87. DOI: 10.4467/20800909EL.21.007.13365.
38. Brunner C. Geographical and Administrative Divisions: Settlements and Economy // *The Cambridge History of Iran*. Vol. 3, Part 2 / ed. E. Yarshater. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 747–777.
39. Spooner B. Baluchistan i. Geography, History and Ethnography // *Encyclopaedia Iranica*. 1988. Vol. III, Fasc. 6. P. 598–632.
40. Teker F., Aşan M.B. İran’ın Kültürel Bir Antitezi: Turan // *Süleyman Demirel Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi*. 2023. No. 59. P. 317–328.
41. Müller F.M. *Letters to Chevalier Bunsen on the Classification of the Turanian Languages*. London: A. & G.A. Spottiswoode, 1854. 266 p.
42. Laruelle M. The Concept of Ethnogenesis in Central Asia: Political Context and Institutional Mediators (1940–50) // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. Vol. 9, No. 1. P. 169–188. DOI: 10.1353/kri.2008.0005.
43. Laruelle M. National Narrative, Ethnology, and Academia in Post-Soviet Uzbekistan // *Journal of Eurasian Studies*. 2010. Vol. 1, No. 2. P. 102–110. DOI: 10.1016/j.euras.2010.04.007.
44. Gürbüz Y.E. Özbekistan’da Tarihyazımı ve Millî Kimlik // *Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi*. 2019. Vol. 19, No. 2. P. 277–301. DOI: 10.32449/etdid.625377.
45. Usmonova N. O‘zbek va qozoq tarixchilarining birinchi ilmiy yig‘ini // *O‘zbekiston Milliy axborot agentligi — O‘zA*. 2 noyabr 2025. [Electronic resource]. URL:

- [https://uza.uz/uz/posts/ozbek-va-qozoq-tarixchilarining-birinchi-ilmiy-yigini\\_778166](https://uza.uz/uz/posts/ozbek-va-qozoq-tarixchilarining-birinchi-ilmiy-yigini_778166) (accessed: 21.09.2026).
46. Horák S. In Search of the History of Tajikistan: What Are Tajik and Uzbek Historians Arguing About? // *Russian Politics and Law*. 2010. Vol. 48, No. 5. P. 65–77. DOI: 10.2753/RUP1061-1940480504.
47. Adams L.L. Ethnicity and the Politics of Heritage in Uzbekistan // *Central Asian Survey*. 2013. Vol. 32, No. 2. P. 115–133. DOI: 10.1080/02634937.2013.807580.
48. Laruelle M. The Return of the Aryan Myth: Tajikistan in Search of a Secularized National Ideology // *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35, No. 1. P. 51–70. DOI: 10.1080/00905990601124462.
49. Battis M. The Aryan Myth and Tajikistan: From a Myth of Empire to One National Identity // *Ab Imperio*. 2016. No. 4. P. 155–183. DOI: 10.1353/imp.2016.0089.
50. Blakkisrud H., Nozimova Sh. History Writing and Nation Building in Post-Independence Tajikistan // *Nationalities Papers*. 2010. Vol. 38, No. 2. P. 173–189. DOI: 10.1080/00905990903517835.
51. Azizov U. Regional Integration in Central Asia: From Knowing-that to Knowing-how // *Journal of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8, No. 2. P. 123–135. DOI: 10.1016/j.euras.2017.02.002.
52. Grigoriadis I.N., Oğün-Kıdal A. Imagining Turan: Homeland and Its Political Implications in the Literary Work of Hüseyinzade Ali [Turan] and Mehmet Ziya [Gökalp] // *Middle Eastern Studies*. 2020. Vol. 56, No. 3. P. 482–495. DOI: 10.1080/00263206.2019.1706167.
53. Levent S. Common Asianist Intellectual History in Turkey and Japan: Turanism // *Central Asian Survey*. 2016. Vol. 35, No. 1. P. 121–135. DOI: 10.1080/02634937.2015.1062601.

#### REFERENCES:

1. Bosworth C.E. Central Asia iv. In the Islamic Period up to the Mongols // *Encyclopaedia Iranica*. 1990. Vol. V, Fasc. 2. P. 169–172.
2. Bosworth C.E. *Ṭurān* // *Encyclopaedia Iranica*. 2011; updated 2013. [Electronic resource]. URL: *Encyclopaedia Iranica: Ṭurān* (accessed: 21.09.2026).
3. Yarshater E. *Afrāsīāb* // *Encyclopaedia Iranica*. 1984. Vol. I, Fasc. 6. P. 570–576.
4. Yarshater E. Iran iii. Traditional History // *Encyclopaedia Iranica*. 2004. Vol. XIII, Fasc. 3. P. 299–307.
5. Diakonov M.M. *Ocherk istorii drevnego Irana*. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1961. 444 s.
6. Abaev V.I. Skifskii byt i reforma Zoroastra // *Archiv Orientální*. 1956. Vol. XXIV. P. 23–56.
7. Abetekov A., Yusupov H. Ancient Iranian Nomads in Western Central Asia // *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. II: The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B.C. to A.D. 250 / ed. J. Harmatta. Paris: UNESCO Publishing, 1994. P. 24–34.
8. Khodzhaeva N.Dzh. K voprosu o granitse mezhdur Iranom i Turanom // *Historical Geography of Central Asia: Time, Space and Memory: International Conference Proceedings Book*. Almaty, 3 June 2025. Almaty, 2025. S. 61–69.
9. Kamoliddin Sh.S. *Drevnetiurkskaia toponimiia Srednei Azii* / otv. red. M. Iskhokov. Tashkent: Shark, 2006. 192 s.
10. Vainberg B.I. *Etnogeografiia Turana v drevnosti: VII v. do n.e. – VIII v. n.e.* M.: Vostochnaia literatura RAN, 1999. 359 s.
11. Iakubov Iu. Turan i turantsy // *Izvestiia Akademii nauk Respubliki Tadzhikistan*. Seriya: Vostokovedenie, istoriia, filologiia. 1993. No. 3. S. 28–41.
12. Muminjonov H. *Turon — gahvorai tamadduni oriyoi*. Dushanbe: Vatanparvar, 2004. 297 s.
13. Kumekov B.E. *Turkestan vo vremeni i prostranstve: Turkestan VI–XVII vekov po musul'manskim pis'mennym pamiatnikam* // *Mangi El*. 2014. No. 4. S. 24–28.

14. Mukhammad Abdurakhmon. Turan — eto ne Turkestan: osnovnye gipotezy i teorii (opyt istoriko-politicheskogo analiza) // Vestnik Tadzhijskogo natsional'nogo universiteta. Seriya sotsial'no-ekonomicheskikh i obshchestvennykh nauk. 2025. No. 1. S. 159–163.
15. Akhmedov B.A. Znachenie pis'mennykh istochnikov v izuchenii etnicheskoi istorii narodov Srednei Azii i Kazakhstana // Problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii narodov Srednei Azii i Kazakhstana. Vyp. 2. M., 1990. S. 63–73.
16. Murodov S.M. Vklad akademika Iusufsho Iakubova v izuchenie drevnei istorii tadjhijskogo naroda: dis. ... kand. ist. nauk. Dushanbe: Tadjhijskii natsional'nyi universitet, 2023. 187 s.
17. Askarov A.A. Ariiskaia problema: novye podkhody i vzgliady // Istoriia Uzbekistana v arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh / pod red. A.A. Anarbaeva. Tashkent: Fan, 2005. S. 81–91.
18. Artykbaev Zh.O. Istoriia Kazakhstana: uchebnik. Almaty: Qazaq universiteti, 2006. 312 s.
19. Otaxo'jayev A. Turon xalqlarining qadimgi tillari xususida mulohazalar // O'zA ilm-fan bo'limi elektron jurnali. 2024. No. 6 (56). S. 3–12.
20. Shaposhnikov A.K. Drevneishaia onomastika Tavricheskogo poluostrova. 1. Surozhskaia zemlia // Voprosy onomastiki. 2005. No. 2. S. 111–125.
21. Shaposhnikov A.K. Sarmatskie i turanskie iazykovye relikty Severnogo Prichernomor'ia // Etimologiya. 2003–2005 / otv. red. Zh.Zh. Varbot. M.: Nauka, 2007. S. 255–322.
22. Abdullaev B. Zardushtiylikning shakllanishida Turon xalqlarining tarixiy roli // O'zMU Xabarlar / ACTA NUUZ. 2024. Vol. 1, No. 1.10. P. 4–6. DOI: 10.69617/nuuz.v1i1.10.4430.
23. Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. I: The Early Period. Leiden: Brill, 1975. 357 p.
24. Boyce M. Avestan People // Encyclopaedia Iranica. 1987. Vol. III, Fasc. 1. P. 62–66.
25. Gnoli G. Conversion i. Of Iranians to the Zoroastrian Faith // Encyclopaedia Iranica. 1993. Vol. VI, Fasc. 3. P. 227–229.
26. Shahbazi A.Sh. Iraj // Encyclopaedia Iranica. 2004. Vol. XIII, Fasc. 2. P. 200–202.
27. MacKenzie D.N. Čihrdād Nask // Encyclopaedia Iranica. 1991. Vol. V, Fasc. 5. P. 560–561.
28. Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland: A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems. Naples: Istituto Universitario Orientale, 1980. 279 p.
29. Gnoli G. Avestan Geography // Encyclopaedia Iranica. 1987. Vol. III, Fasc. 1. P. 44–47.
30. Grenet F. An Archaeologist's Approach to Avestan Geography // Birth of the Persian Empire / eds. V.S. Curtis, S. Stewart. The Idea of Iran. Vol. 1. London–New York: I.B. Tauris, 2005. P. 29–51.
31. Daryaee T. National History or Keyanid History? The Nature of Sasanid Zoroastrian Historiography // Iranian Studies. 1995. Vol. 28, Nos. 3–4. P. 129–141. DOI: 10.1080/00210869508701832.
32. Kuz'mina E.E. The Origin of the Indo-Iranians / ed. J.P. Mallory. Leiden–Boston: Brill, 2007. 762 p.
33. Wagner M., Wu X., Tarasov P., Aisha A., Bronk Ramsey C., Schultz M., Schmidt-Schultz T., Gresky J. Radiocarbon-dated Archaeological Record of Early First Millennium B.C. Mounted Pastoralists in the Kunlun Mountains, China // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011. Vol. 108, No. 38. P. 15733–15738. DOI: 10.1073/pnas.1105273108.
34. Tafazzoli A. Arjāsp // Encyclopaedia Iranica. 1986. Vol. II, Fasc. 4. P. 412.
35. Shahbazi A.Sh. Goštāsp // Encyclopaedia Iranica. 2002. Vol. XI, Fasc. 2. P. 171–176.
36. Huyse P. Die dreisprachige Inschrift Šābuhrs I. an der Ka'ba-i Zardušt (ŠKZ). 2 vols. Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part III, Vol. I, Texts I. London: School of Oriental and African Studies, 1999.
37. Cereti C.G. Narseh, Armenia, and the Paikuli Inscription // Electrum. 2021. Vol. 28. P. 69–87. DOI: 10.4467/20800909EL.21.007.13365.
38. Brunner C. Geographical and Administrative Divisions: Settlements and Economy // The Cambridge History of Iran. Vol. 3, Part 2 / ed. E. Yarshater. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 747–777.

39. Spooner B. Baluchistan i. Geography, History and Ethnography // *Encyclopaedia Iranica*. 1988. Vol. III, Fasc. 6. P. 598–632.
40. Teker F., Aşan M.B. İran’ın Kültürel Bir Antitezi: Turan // *Süleyman Demirel Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi*. 2023. No. 59. P. 317–328.
41. Müller F.M. Letters to Chevalier Bunsen on the Classification of the Turanian Languages. London: A. & G.A. Spottiswoode, 1854. 266 p.
42. Laruelle M. The Concept of Ethnogenesis in Central Asia: Political Context and Institutional Mediators (1940–50) // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. Vol. 9, No. 1. P. 169–188. DOI: 10.1353/kri.2008.0005.
43. Laruelle M. National Narrative, Ethnology, and Academia in Post-Soviet Uzbekistan // *Journal of Eurasian Studies*. 2010. Vol. 1, No. 2. P. 102–110. DOI: 10.1016/j.euras.2010.04.007.
44. Gürbüz Y.E. Özbekistan’da Tarihyazımı ve Millî Kimlik // *Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi*. 2019. Vol. 19, No. 2. P. 277–301. DOI: 10.32449/egetdid.625377.
45. Usmonova N. O‘zbek va qozoq tarixchilarining birinchi ilmiy yig‘ini // *O‘zbekiston Milliy axborot agentligi — O‘zA*. 2 noyabr 2025. [Electronic resource]. URL: O‘zA: O‘zbek va qozoq tarixchilarining birinchi ilmiy yig‘ini (accessed: 21.09.2026).
46. Horák S. In Search of the History of Tajikistan: What Are Tajik and Uzbek Historians Arguing About? // *Russian Politics and Law*. 2010. Vol. 48, No. 5. P. 65–77. DOI: 10.2753/RUP1061-1940480504.
47. Adams L.L. Ethnicity and the Politics of Heritage in Uzbekistan // *Central Asian Survey*. 2013. Vol. 32, No. 2. P. 115–133. DOI: 10.1080/02634937.2013.807580.
48. Laruelle M. The Return of the Aryan Myth: Tajikistan in Search of a Secularized National Ideology // *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35, No. 1. P. 51–70. DOI: 10.1080/00905990601124462.
49. Battis M. The Aryan Myth and Tajikistan: From a Myth of Empire to One National Identity // *Ab Imperio*. 2016. No. 4. P. 155–183. DOI: 10.1353/imp.2016.0089.
50. Blakkisrud H., Nozimova Sh. History Writing and Nation Building in Post-Independence Tajikistan // *Nationalities Papers*. 2010. Vol. 38, No. 2. P. 173–189. DOI: 10.1080/00905990903517835.
51. Azizov U. Regional Integration in Central Asia: From Knowing-that to Knowing-how // *Journal of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8, No. 2. P. 123–135. DOI: 10.1016/j.euras.2017.02.002.
52. Grigoriadis I.N., Opçin-Kıdal A. Imagining Turan: Homeland and Its Political Implications in the Literary Work of Hüseyinzade Ali [Turan] and Mehmet Ziya [Gökalp] // *Middle Eastern Studies*. 2020. Vol. 56, No. 3. P. 482–495. DOI: 10.1080/00263206.2019.1706167.
53. Levent S. Common Asianist Intellectual History in Turkey and Japan: Turanism // *Central Asian Survey*. 2016. Vol. 35, No. 1. P. 121–135. DOI: 10.1080/02634937.2015.1062601.